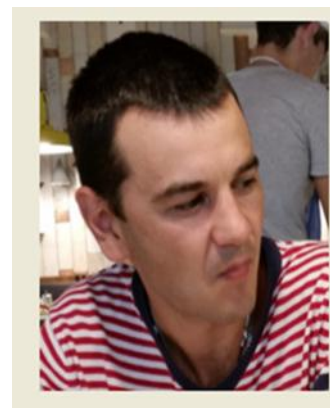

УДК 1 (091)

И.И. СЕМАЕВА, д-р филос. наук, профессор
профессор кафедры философии
Московский государственный областной университет,
г. Москва, Российская Федерация

П.С. ГУЛЯЕВ, канд. филос. наук
доцент кафедры
член Московского союза художников
Московский государственный институт культуры,
г. Москва, Российская Федерация

Статья поступила 2 октября 2015г.

СИНЕРГИЗМ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

В статье рассматриваются идеи синергизма в русской культуре и религиозной философии. Выявляются истоки синергизма, его связь с исихастским учением об энергиях. Анализируются работы русских философов – С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева. В их трудах идеи синергизма получили свое дальнейшее развитие. Выделены ключевые положения синергизма, во многом определившие характер философских исканий в России 19 – первой половины 20 веков. Влияние синергизма в философской мысли прослеживается в наиболее значительных онтологических, гносеологических, антропологических, методологических идеях, в философии имени, в философии символизма. В культуре идеи синергизма нашли свое воплощение в русском иконописании, творчестве художников–символистов.

Ключевые слова: русская религиозная философия, синергия, исихазм, традиции, энергия, онтология.

Введение. Синергизм (синергия – от греч. сотрудничество, согласованное действие) в русской религиозной философии XX века в концентрированном виде представил ее наиболее значимые темы: энергийного осмысления онтологии, богопознания, самоопределения человека в любви, свободы и способности личности к творчеству. Перечисляя основные черты византийского духовного и культурного наследия, наследни-

цей которого выступила Россия, о. Иоанн (Экономцев), наряду с вселенскостью, космизмом, литургизмом, синтезом соборности и личностного начала, назвал синергизм [1, 56], выражающий суть отношений между Богом и миром, а в более конкретном звучании – **со–трудничество, со–работничество** божественной благодати и человеческой свободы.

Онтологическим обоснованием синергизма выступает учение о различении сущности и энергий Бога, теоретически выраженное в наследии крупнейшего представителя исихазма 14 века Григория Паламы. Антропологический аспект синергизма обращен к определению образа Божьего в человеке как его сущности, а подобия Божьего – как энергийного начала. Сущность искажена грехом, нередко ее подлинность подменена иллюзорным, но цель человеческого существования и заключена в восстановлении и актуализации сущностного в человеке через его энергии. [2, 36–44].

Могла ли русская религиозно-философская мысль пройти мимо синергизма, столь полно и органично выражающего ее мечту о мировоззренческой целостности и органичности, о синтетической форме философствования, к чему собственно и были направлены интеллектуальные и духовные искания славянофилов, В.С. Соловьева, философов Серебряного века?

В идеях всеединства, богочеловечества, ставших в русской религиозной философии ее определяющей, фундаментальной чертой, синергические надежды связаны с социумом, общественностью и рассматриваются в историософском аспекте. Во взглядах В.С. Соловьева богоподобие человека сменяется богоподобием человечества. Это не означает устранения личности в процессе реализации всеединой цели, поскольку каждая личность в своей сущности выступает носителем этой цели, и задача восстановления своей целостности-подлинности не утрачивает актуальности для каждого человека.

Основная часть. Синергия есть соединение энергий, воля, а потому относится не только к человеку, но и ко всему мирозданию, и проявляется в разных конкретно-социальных сферах – истории, культуре, хозяйствовании, в творческой деятельности. Культура и история становятся участниками синергического процесса, и это налагает особую ответственность за их развитие на человека, личное спасение обретает характер социального служения. Культура не противопоставляется идее спасения, но становится активным участником синергического процесса, обретая в нем свой подлинный смысл.

Русские философы достаточно сурово отзывались о культуре, созданной и развивающейся в христианском мире, но как бы «выпавшей» из сферы религии, из синергического процесса. «Культура всегда бывала

великой неудачей жизни», – писал Н.А. Бердяев [3, 165]. Это отмечал и П.А. Флоренский, прослеживая исторический путь европейской культуры, принимающей Бога как «гипотезу, которую штопаются прорехи нашего знания и вообще нашей культуры, чем выше культура, тем менее в ней места этой гипотезы, вполне усовершенствованная «культура» должна быть вовсе без Бога» [4, 53]. Наибольшую опасность он видел в углублении раскола мира вследствие искажения его глобальных целей, утраты подлинных ценностей, а также в пассивности, духовном нейтралитете самого христианства, теряющего свое фундаментальное значение в различных областях человеческой деятельности – науке, политике, экономике, искусстве, философии.

Н.А. Бердяев рассматривал развитие истории как путь спасения мира: история началась с грехопадения, пребывает в грехе, но смысл ее именно в искуплении, достигаемом соборными усилиями человечества и Бога [5, 139]. Наиболее динамичным, активным во взглядах Н.А. Бердяева представляется исторический аспект синергии, и судьба личности поставлена в зависимость от судьбы мира. Обращение творческого, деятельного порыва к Богу обладает колоссальным энергетическим потенциалом, способным решать задачи не только личного, но и космического преображения. Сторонники идеи всеединства обратили особое внимание на этот момент синергизма. Соборное человечество, идеально представленное в церкви, наделено единой волей, концентрирующей в себе волевые усилия людей.

Творчество, по представлению русских религиозных философов, также является результатом синергии, раскрывающим подобие творящего с Творцом.

Человек в творчестве преодолевает границы своего природного, чтобы энергично соединиться с Богом, но это соединение является реальным следствием божественных и человеческих волевых усилий. Признание подобной несоразмерности волевых усилий вовсе не означало фаталистичности в представлениях о жизни: Бог открывается каждому в его дарах, но мера, степень восприятия их человеком зависит от активности самого человека, от энергийного стремления его к Богу. Человек принимает от Божественной энергии столько, сколько он способен принять. Люди различны по своим способностям, талантам, но каждый призван и

по–своему реализует свое избранничество, так же, как и свой дар свободы. Гениальность, как и святость, отмечал Н.А. Бердяев, «есть иная онтология человеческого существа», «мир иной» в человеке. Свобода обуславливает степень раскрытия в человеке творческого задания.

Эта идея весьма плодотворно развивалась Н.А. Бердяевым, отмечавшим совпадение смысла творчества и смысла свободы в синергическом действии: «Врастание человечества в божественную жизнь есть процесс творческого и свободного волевого устремления» [5, 199]. В творчестве реализуется свобода человека, и только в свободе философское творчество является подлинным. Свобода, а не научность, оказывается основным критерием философии, как и других видов творчества и познания. Выступая качественным определением каждого человека, свобода едина в различных индивидуальных проявлениях.

Н.А. Бердяев определял философское творчество как прорыв к иному бытию, что подчеркивало совпадение целей религии и философии. Религиозное творчество, например, религиозная философия, считал он, наиболее полно воплощает в себе синергическое задание: «свободная философия есть философия религиозная», и более того, «философия должна быть церковной», не богословской или клерикальной, а именно церковной, поскольку в церкви осуществляется синергия.

«Философия, т. е. раскрытие разумом вселенской истины, не может быть ни только индивидуальным, ни только человеческим делом, – писал Н.А. Бердяев, – она должна быть делом сверхиндивидуальным и сверхчеловеческим, т. е. соборным, т. е. церковным. Лишь вселенскому церковному сознанию раскрываются тайны жизни и бытия, лишь в приобщении к церковному разуму возможно истинное дерзновение» [5, 27].

«Тайны жизни и бытия» раскрываются в познании, имеющем синергический характер. В познании участвуют две активные стороны, а не активный познающий и пассивный познаваемый. Более того, усилия познающего лишь слабо отражают энергию познаваемого. В терминологии С.Л.Франка, реальность самооткрывается, и человек соучаствует в этом откровении, которое не может быть выражено в категориях знания и незнания, будучи неизмеримо выше их.

Во взглядах С.Л. Франка синергия рассматривается в гносеологическом ключе. Философ стоял на позициях апофатизма, и непостижимое, даже включенное во всеединство, остается непостижимым, трансцендентным, его нельзя получить эмпирически, в чувственном опыте, нельзя постигнуть рационально, возможен лишь синтез как «немое соприкосновение» с ним. Истина сама открывается в безмолвии, и философское познание в полной мере осуществляется в своем назначении, лишь переходя в состояние «ведающего неведения». В этом «неведении», которое адекватно знанию–«ведению», в отношении непостижимого снимаются логические разделения, противоречащие друг другу суждения. Это «снятие» не есть механическое уравнение противоположностей, здесь возникает особая форма познания непостижимого, определяемая в понятии «взаимопроникновение» – синергия.

Несмотря на внешнее сходство терминологии с гегелевской, С.Л. Франк говорил о прямой оппозиции философии Гегеля: «синтез» выходит в сферу трансрационального и не может быть закреплён логически в каком-либо понятии или суждении. «Синтез» есть динамическое состояние, «свободное витание», которое открывает онтологический горизонт непостижимой реальности.

Позицию человека в процессе познания адекватно можно выразить только грамматическим оборотом, вроде «мне дается в удел познание», «мне открывается нечто», а никак не фразой «я познаю», отмечал С.Л. Франк качественные различия в характере активности двух сторон познания как синергийного акта. Одна сторона самооткрывается, составляя основоположения самого познавательного процесса, а на долю активности человека приходится лишь стремление к познанию и познавательные усилия, самый же «акт осуществленного познания есть чистый дар, обретаемый личностью извне», – писал он [6, 324].

К мотиву «дара, дарения» в познании С.Л. Франк обращается неоднократно, считая, что нет обладания знанием в буквальном понимании, но есть направленность на обладание, предшествующая познанию, не имеющая законченной формы и характеризующаяся потенциальностью, свободой. Эта свобода в познании есть активное начало самоопределения личности, борьба человека за самого себя, постоянное «противодействие нападающему противнику». Противником в этой

борьбе оказываются страсти, «самодурство», которые и есть проявления внутренней несвободы, подчиненности человека своим же страстным состояниям. Постоянный драматизм человеческого существования заключен в том, что самоопределение осуществляется лишь через самопреодоление.

С.Л. Франк отмечал, что непостижимое раскрывается в непосредственном обращении к личности и может быть грамматически описано как формула «Ты–мне». Он предложил описание синергии в ее познавательном аспекте, когда непостижимое открывается совершенно конкретно, в нераздельной связи с человеком, и для обращения не может быть использована форма третьего лица, созданная для обозначения отсутствующего.

В синергии открывается будущее, разрушаются временные границы, которые «охраняют» привычный онтологический горизонт, происходит выход на иные онтологический и познавательный уровни. В установках рационализма, писал С.Л. Франк, синергия принимает характер отношений между двумя свободными и автономными по своему бытию существами. Свобода одного наносит ущерб свободе другого: или разрушает ее абсолютность, или же поглощает ее. Отсюда критическое отношение к рациональным попыткам описания синергии и установка на «трансцендентальное мышление», как единственно способное раскрыть ее суть.

Синергия, считал С.Л. Франк, как свободное соединение энергий, воля, свобода может быть сформулирована более или менее адекватно лишь посредством принципа антиномизма: свобода человека рационально несовместима с реальностью Бога. Разрешение этой антиномии философ связывает с «трансрациональным синтезом», сохраняющим эту антиномию и в то же время преодолевающим ее. Разрешение сформулированной им антиномии абсолютной реальности Бога и автономного бытия человека относится к гносеологическому аспекту синергизма.

С.Л. Франк называл антиномистический монодуализм основополагающей установкой: «одно не есть другое и вместе с тем и есть это другое, и только с ним, в нем и через него есть то, что оно подлинно есть в своей последней глубине и полноте» [6, 315]. Он видел в этой установке разрешение основных антиномий: подчиненность человека Богу не только умаляет, а напротив, обосновывает автономность человеческого бытия, свободу и способность к творчеству. Можно отме-

тить, что это одна из самых интересных интерпретаций синергии в русской религиозно-философской мысли, С.Л. Франк увидел в этом соединении подлинное, непостижимое в своих глубинных основаниях бытие человека.

Идею богочеловечества Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков считали наивысшей точкой развития учения о синергии, совершающегося не в традиционном богословии, а в религиозной философии. Исходным пунктом рассуждений С.Н. Булгакова оставалось православное учение об энергиях (энергетизм): соединение человека с Богом совершается не по сущности, а по энергиям: «энергия Божья, действуя в человеке, соединяется с человеческой, воплощается в ней, и получается нераздельное и неслиянное соединение силы Божьей и действия человеческого» [7, 181–182]. Результатом синергии он называл воплощение божественного, в котором оно символически открывается миру, – в молитве, в слове, в имени, в иконе, в творческом вдохновении. Символ есть энергийное «сращение» миров, благодаря чему он и сам является носителем энергии.

Идея энергийного основания слова стала центральной в «Философии имени» С.Н. Булгакова, написанной при весьма конкретных обстоятельствах как ответ философа на определенную богословскую ситуацию. На Московском соборе 1917 года он был секретарем и докладчиком особой подкомиссии по имяславью. Результатом его работы в этот период стало исследование об энергийном наполнении слова. Слово синергийно и символизирует вселенную и человека, применительно к которому слово есть имя, а «имя есть то, что человек есть» [7, 176]. Синергийность имени проявлена в его динамичности, действительности, энергийной наполненности.

Идея слова как энергийно заряженного символа развивалась и в работах П.А. Флоренского, считавшего, что «символ есть сущность, энергия которой, сращенная или, точнее, срастворенная с энергией некоторой другой, более ценной в данном отношении сущности, несет таким образом в себе эту последнюю» [8, 287]. Он отмечал гносеологическое значение символа, раскрывающего глубинные отношения двух бытий – познающего и познаваемого. Описывая синергийный характер познания, философ отмечал, что слово в этом процессе уже не есть та или другая энерги, не механическая совокуп-

ность обеих, но новое энергичное явление, новая реальность.

Заключение. Размышления П.А. Флоренского об энергичной природе символа–слова были близки философии имени А.Ф.Лосева. Синергичный познавательный процесс, считал он, снимает противоположность субъекта и объекта, энергии которых образуют особую символическую реальность, в которой встречаются два плана бытия. В «Диалектике мифа» А.Ф. Лосев обратился к еще одному аспекту синергизма – иконности или иконичности личности как проявлению ее энергичной наполненности. Образ святого как «живая икона», «написанная» им самим в молитвенном труде. Отсюда и определение подвижника исихастской молитвы как «художника из художников», стремящегося наиболее полно раскрыть в себе образ Божий, преображающего себя в синергичном действии. «Живая икона» становится символом соединения божественного и человеческого, и энергия этого символа передается другим людям, включая их в синергичный процесс преображения. Не только подвижник, но каждый человек представляет собой «живую икону», различие в степени «явленности» божественного присутствия в личности, у одних оно затемнено, у святых открывается энергично как свет.

Этот аспект синергии рассматривается более обстоятельно в богословии образа и богословии иконы, выступая теоретическим обоснованием иконопочитания и иконописания. Выводимое из синергизма понимание реальности символа послужило основой для толкования иконы как воплощения в красках, линиях, композиции «живого» образа. Икона не изображает, а являет образ, и иконописец сам должен вести подвижническую жизнь, в личном религиозном опыте обретая то, что впоследствии проявится при создании иконы. Поэтому не в дереве, не в камне, не в звуке, а в самом человеке совершается синергичное действие, и уже потом оно становится возможным и в камне, и в дереве, и в звуке. По сути молитва и икона различны лишь по внешним признакам, по характеру материала, в котором происходит воплощение этого действия, ведь молитва есть не что иное как словесная икона, а в человеке происходит «иконизация» личности. Человек отзывается на действие божественной энергии имитацией, иконотворчеством или же творчеством самого себя, но, в сущности он реализует главную цель – синергию.

Эти взгляды во многом оказались созвучными идеям русских символистов конца 19–начала 20 веков, «угадавших» направление своих исканий в трактовке символа как образа, включающего в себя помимо собственно содержания и нечто иное.

Несмотря на особенности терминологии, использованной русскими религиозными философами начала 20 века, рассматриваемая ими в контексте идеи синергизма проблематика обладает несомненной значимостью, да и сам термин «синергия» стал использоваться весьма широко в различных областях, в том числе в экономике, политологии, естествознании. Одним из наиболее значимых сюжетов в развитии идей синергии является появление синергичной антропологии, выстраивающей учение о человеке в методологическом русле исихастской традиции.

Список литературы

1. Иоанн (Экономцев). Византизм, славяне и Россия / Иоанн (Экономцев) // Вопросы истории. – 1989. – № 8. – С.56.
2. Бузук, Г.Л. Энергичное обоснование единства мира в русской философии XX века / Г.Л. Бузук, И.И. Семаева // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2013. – № 1. – С. 36–44.
3. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М. – 1990. – С.165.
4. Флоренский, П.А. Христианство и культура/ П.А. Флоренский // Журнал Московской патриархии. – 1983. – № 4. – С.53.
5. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М. – 1991. – С.139.
6. Франк С.Л. Непостижимое. / С.Л. Франк. – Соч. – М. – 1990. – С.324.
7. Булгаков С.Н. Философия имени / С.Н. Булгаков. – Париж. – 1953. – С.181–182.
8. Флоренский П.А. У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – М. – 1990. – С.287.

Резюме. Статья посвящена изучению идей синергизма в русской культуре и религиозной философии. Синергизм в переводе с греческого языка означает сотрудничество, согласованное действие. Его религиозно–философским обоснованием является представление о различении сущности и энергий (действий) Бога. Это учение было теоретически обосновано крупнейшим представителем исихазма 14 века Григорием Паламой. Си-

нергия рассматривается как совместность действий Бога и человека в преобразении мира.

Анализ работ русских философов конца 19 – первой половины 20 веков – В.С. Соловьева, С.Н.Булгакова, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, А.Ф.Лосева позволил определить основные направления в развитии идей синергизма в русской культуре и философии. В трудах этих мыслителей синергизм получил свое дальнейшее развитие. Выделены ключевые положения синергизма, во многом определившие характер философских исканий в России этого периода.

Влияние синергизма в философской мысли прослеживается в наиболее значительных онтологических, гносеологических, антропологических, методологических идеях, в философии имени. Через синергичное осмысление онтологии, свободы и творчества, богопознания как основы самопознания личности, понимания любви как высшего проявления синергии русская философия осуществляла свою самоидентификацию.

В русской философии синергия как единение волевых действий рассматривается не только применительно к человеку, но к миру в целом. В этом аспекте синергия проявляется в разных конкретно–социальных сферах – истории, культуре, хозяйствовании, в творческой деятельности. Культура и история выступают участниками синергического процесса, и это налагает особую ответственность за их развитие на человека. В синергическом процессе культура и история обретают свой подлинный сотериологический смысл.

Русский символизм во многом воспринял идеи синергизма, определяя символ как сращение энергий в творческом процессе. Русская иконопись как «умозрение в красках» (Е.Н.Трубецкой), осмысленная в начале 20 века через призму синергизма, обрела всемирное культурное значение.

Abstract. The article is devoted to the study of the ideas of synergy in the Russian culture and religious philosophy. Synergy in Greek

language means cooperation, coordinated action. His religious–philosophical underpinning is the concept of the distinction between essence and energies (actions) of God. This doctrine was theoretically proved the most prominent representative of Hesychasm of the 14th century Gregory Palamas. Synergy is regarded as a togetherness of God and man to transform the world.

The analysis of the works of Russian philosophers of the late 19th and early 20th centuries by V. S. Soloviev, S. N. Bulgakov, P. A. Florensky, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. F. Losev allowed to determine the main directions in the development of the ideas of synergies in Russian culture and philosophy. In the writings of these thinkers synergies have been further developed. Highlights the key provisions of synergies, largely determined the nature of the philosophical pursuit in Russia of this period.

The impact of synergy in philosophical thought can be traced in the most significant ontological, epistemological, anthropological, methodological ideas, in the philosophy of name. Through synergetic understanding of an ontology of freedom and creativity, of knowledge of God as the basis of self–knowledge of personality, understanding love as the highest manifestation of the synergy Russian philosophy has carried out its identification.

In Russian philosophy synergy as a link of volitional actions is considered not only in relation to man, but to the world at large. In this aspect the synergy is manifested in various concrete social spheres — history, culture, economy, creativity. Culture and history are the participants in a synergistic process, and this imposes a special responsibility for their development on the person. In a synergic process the culture and history find their true soteriological sense.

Russian symbolism largely took the ideas of synergy, determining the symbol as the fusion of the energies in the creative process. As Russian icons "speculation in paints" (E. N. Troubetzkoy), meaningful in the early 20th century through the prism of synergy, acquired world cultural importance.

SEMAEVA Irina I., Doctor of Philos. Sc., Professor
Professor of Department of philosophy,
Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

GULYAEV Pavel S., Cand. of Philos. Sc.
Associate Professor
Member of Moscow Union of Artists
Associate Professor of Moscow State Institute of Culture
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation

SYNERGY IN THE RUSSIAN CULTURE AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

The article discusses the idea of synergy in Russian culture and religious philosophy. Identify the sources of synergy and its relation to the Hesychast doctrine of the energies. Analyzes the works of Russian philosophers — S. N. Bulgakov, P. A. Florensky, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, A. F. Losev. In their works the idea of synergy has been further developed. Highlights the key provisions of synergy, largely determined the nature of the philosophical pursuit in Russia of the 19th and early 20th centuries. The impact of synergy in philosophical thought can be traced in the most significant ontological, epistemological, anthropological, methodological ideas, in behalf of philosophy, in the philosophy of symbolism. In culture the idea of synergy embodied in the Russian iconography, the artist–symbolist.

Keywords: *Russian religious philosophy, synergy, Hesychasm, tradition, energy ontology.*

References

1. John (Ekonomtsev). *Byzantism, Slavs and Russia.*// History. 1989. No. 8. S. 56.
2. Buzuk G.L., Semaeva I. I. *Justification the energy unity of the universe in Russian philosophy of the twentieth century.* Vestnik MGOU. Series "Philosophical Sciences". 2013. № 1. S. 36–44.
3. Berdyaev N.A. *The meaning of history.* M., 1990. P. 165.
4. Florensky P.A. *Christianity and culture.* Journal of the Moscow Patriarchate. 1983. No. 4. S. 53.
5. Berdyaev N.A. *The philosophy of freedom. The meaning of creativity.* Moscow, 1991. S. 139.
6. Frank S.L. *Incomprehensible* / S.L. Frank. M., 1990. P. 324.
7. Bulgakov S.N. *The philosophy of name.* Paris, 1953. S. 181–182.
8. Florensky P.A. *The watersheds of thought.* M., 1990. S. 287.

Received 2 October 2015